

Н. А. Попов

**Мадьярский историк
Владислав Салай и история
Венгрии**

**От Арпада до Прагматической
санкции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. А. Попов**
Мадьярский историк Владислав Салай и история Венгрии: От Арпада до Прагматической санкции / Н. А. Попов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 208 с.

ISBN 978-5-518-09821-3

ISBN 978-5-518-09821-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вышнимъ сословіямъ, то „Исторія“ Фесслера и является преимущественно исторіей привилегированныхъ сословій Венгерскаго королевства. Этотъ односторонній характеръ сочиненія нѣсколько освѣщается вытекавшими изъ самой исторіи венгерской разказами о релігіозныхъ войнахъ, о борьбѣ сеймовъ съ притязаніями Вѣнскаго двора и печальною повѣстью о владычествѣ Турокъ надъ придунайскими долинами. Не смотря, однакожь, на всѣ свои недостатки, особенно ярко выдающіеся въ наше время, нашелся читатель тяжелаго труда Фесслера и взялся за переработку его и пополненія. Это Эрнстъ Клейнъ, въ предѣлкѣ котораго и выходитъ теперь сочиненіе Фесслера въ Лейпцигѣ у Брокгауза. До сихъ поръ вышли три выпуска, каждый въ 8 листовъ самой убористой печати; всѣхъ же будетъ до 20¹⁾. Дѣленіе, принятое Клейномъ, отличается отъ дѣленія, принятаго въ первомъ изданіи самимъ авторомъ. Это - то реставрируемое нынѣ сочиненіе и было въ первой четверти настоящаго столѣтія тѣмъ центромъ, къ которому прижкнули труды другихъ историковъ Венгрии. Фейеръ сталъ издавать свой многотомный „Codex diplomaticus“; графъ Іосифъ Телеки описалъ въ восьми книгахъ эпоху Гуніадовъ, одну изъ замѣчательнѣйшихъ по внѣшнимъ сношеніямъ въ цѣлой исторіи Венгрии. Графъ Іоаннъ Майлатъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Исторію Мадыаръ“, въ пяти книгахъ²⁾. Уже самое заглавіе книги Майлата показывало, какъ смотрѣлъ авторъ на исторію своей родины: она представлялась ему исторіей Мадыарскаго народа. Еще уже былъ взглядъ, на основаніи котораго написана была „Краткая исторія Венгрии“ доктора Михаила Горвата³⁾. Это не что иное, какъ учебникъ для знакомства съ исторіей постепеннаго распространенія привилегій венгерскихъ магнатовъ, комитатскихъ собраній и государственныхъ сеймовъ и пробужденія либерализма въ Венгрии отъ Наполеоновскихъ войнъ до революціи 1848 года. Но всѣ эти попытки представить исторію Венгерскихъ земель съ мадыарской національной

¹⁾ Geschichte von Ungarn, von Ignaz Aurelius Fessler. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage, bearbeitet v. Ernst Klein, mit einem Vorwort v. Michael Horváth. Leipzig, 1867.

²⁾ Geschichte der Magyaren, von Graf Johann Majláth. 1 Aufl., Wien, 1828—31; 2 Aufl., Regensburg, 1852—53.

³⁾ Kurzgefaszte Geschichte Ungarns, von Dr. Michael Horváth. 2 Bde, Pest, 1863.

точки зрѣнія должны были поблѣднѣть предъ сочиненіемъ, появившимся изъ-подъ пера прославленнаго между мадьярскими историками, публицистами и политическими дѣятелями Владислава Салая. Довольно сказать, что книга Салая не только удовлетворила національное самолюбіе Мадьяръ, но и обратила на себя общее вниманіе писателей всѣхъ другихъ народностей, населяющихъ такъ-называемыя земли Венгерской короны. Этому не мало содѣйствовали и даровитость мадьярскаго историка, и его политическая извѣстность. Едва окончилось печатаніе его сочиненія, какъ уже появился и первый томъ нѣмецкаго перевода Вёгерера¹⁾. Но Салай успѣлъ довести свой трудъ только до 1711 года, такъ что вся новѣйшая исторія Венгріи, получающая особую важность со временъ Прагматической Санкціи, остается необъясненною. Этотъ пробѣлъ до нѣкоторой степени пополненъ двумя сочиненіями М. Горвата: „Двадцать пять лѣтъ (1823 — 1848) изъ венгерской исторіи“, на мадьярскомъ языкѣ въ двухъ томахъ въ Женеvѣ въ 1864 году, а на нѣмецкомъ, въ переводѣ Новелли²⁾, также въ двухъ томахъ въ Лейпцигѣ въ 1867 году, и „Борьба за независимость Венгріи въ 1848 и 1849 годахъ“³⁾.

¹⁾ Geschichte Ungarns, von *Ladislaus v. Szalay*, deutsch von Heinrich Wögerer. Pest, 1866.

²⁾ Fünfundzwanzig Jahre aus der Geschichte Ungarns v. 1823 — 1848, von *Michael Horváth*. Aus dem ungarischen übersetzt von Joseph Novelli. Leipzig, 1867.

³⁾ Der Unabhängigkeitskampf Ungarns von 1848 und 1849. 3 Bde. Genf, 1865.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	I
I. Жизнь Владислава Салая до 1848 года	1
II. Жизнь его съ 1848 года до изданія въ свѣтъ перваго тома „Исторіи Венгріи“	23
III. Исторія Венгріи по Салаю	63
Основаніе Венгерскаго государства Стефаномъ Святѣмъ и его учрежденія. — Преемники Стефана. — Борьба въ Галиціи. — Отношенія къ Чешскимъ и Австрійскимъ землямъ. — Король Андрей II и Золотая Булла. — Отъ нашествія Монголовъ до послѣдняго Арпада. — Внутреннее развитіе за это время. — Битва въ Моравской долинѣ (Marchfeld). — Притязанія Рудольфа Габсбургскаго на Венгрію. — Анжуйскій домъ и король Сигизмундъ Люксембургскій. — Постепенное преобразование конституціи. — Дѣятельность Гуниада и его преемниковъ до битвы при Могачѣ. — Сочиненіе графа Телеки: „Вѣкъ Гуниадовъ въ Венгріи“.	
IV. Послѣдніе годы жизни Владислава Салая и окончаніе его исторіи Венгріи	131
Габсбурги отъ Фердинанда I до Фердинанда II и Турецкое владичество. — Религіозныя войны до контръ-реформаціи кардинала Пазманди. — Седмиградское княжество (Трансильванія) до Линцскаго мира при Фердинандѣ III. — Леопольдъ I и Вашварскій миръ. — Посягательства на конституцію и свободу вѣроисповѣданія. — Борьба за свободу подъ начальствомъ Телеки до установленія престолонаслѣдія въ мужескомъ потомствѣ Габсбургскаго дома: — Событія до Карловацкаго мира. — Развитіе конституціи въ продолженіе Габсбургскаго періода. — Дѣла Седмиградскаго княжества. — Подготовленія къ новому посягательству на венгерскія учрежденія. — Дѣйствія князя Ракочи II до Сатмарскаго договора. — Послѣдніе годы жизни и смерть Владислава Салая.	

О П Е Ч А Т К И.

Стр. 103,	строка 7	снизу:	<i>Векислава</i> ;	слѣдуетъ:	<i>Вячеслава</i> .
" 114	" 1	сверху:	<i>domaniales</i> ;	"	<i>dominales</i> .
" 163	" 5	снизу:	<i>Кашинцалъ</i> ;	"	<i>Кошинцалъ</i> .
" 184	" 2	"	<i>Колочскій</i> ;	"	<i>Калочскій</i> .

Г Л А В А I.

Владислав Салай до 1848 года.

Эпоха французской революціи и Наполеоновских войн впервые пробудила національные стремленія въ народахъ, населяющихъ Венгрію. Но это пробужденіе было слабо: и не одни народы Венгріи, но вообще народы австрійскіе держались въ сторонѣ отъ движенія, охватившаго всю среднюю Европу. Хотя вѣнскіе министры не разъ во время войнъ съ Наполеономъ обращались къ народамъ имперіи, но самъ императоръ Францъ никогда не хотѣлъ слышать о такихъ геройскихъ средствахъ, и въ 1815 году, во время Вѣнскаго конгресса, онъ съ улыбкой замѣтилъ барону Гагерну, который за два года предъ тѣмъ обращался съ воззваніемъ къ патріотическому энтузіазму австрійскихъ народовъ: „Замѣчательно, мой любезный Гагернъ! дѣло обошлось и безъ шума“. Императоръ былъ правъ: ибо австрійскіе народы какъ-будто не замѣтили потрясеній, испытанныхъ западною Европой. Правда, венгерскій придворный совѣтникъ Сирмай, въ самый разгаръ французской революціи, написалъ книгу: „Historia Jacobinorum Hungaricorum“, въ которой старался оправдать казни, постигшія венгерскихъ революціонеровъ за ихъ предполагаемыя сношенія съ Франціей; но изъ всѣхъ показаній, собранныхъ почтеннымъ историкомъ, нельзя не замѣтить, что революціонный образъ мыслей коснулся въ Венгріи только отдѣльныхъ личностей. Иначе и быть не могло. Та часть венгерскаго общества, которая занималась политикою, состояла преимущественно изъ дворянства, и только высшее дворянство было достаточно образовано и пользовалось такимъ положеніемъ, которое давало ему возможность слѣдить за европейскими событіями. Притомъ французская революція нанесла неизлѣчимуую рану исключительному положенію высшаго дворянства; могла ли она

найти сочувствіе въ венгерскихъ магнатахъ? Большинство образованныхъ людей въ Венгріи ожидало только небольшой уступчивости отъ правительства во внутреннихъ дѣлахъ. Аристократическая Венгрія не могла относиться благосклонно и къ первой Французской имперіи, которая, возникнувъ изъ нѣдръ революціи, поспрала всѣ наслѣдственныя права, всѣ преимущества рожденія, — и Наполеоновскія прокламаціи, которыми Венгры были приглашены собраться для избранія себѣ короля, были отосланы въ пакетахъ въ Вѣну, не произведя въ Венгріи никакого дѣйствія. Словомъ, венгерскіе патріоты, хотя и не были довольны вѣнскимъ управленіемъ, однакожь, не были расположены приходить въ энтузіазмъ отъ мысли о независимости своей родины.

Но съ другой стороны, соглашаясь, хотя и съ угрюмымъ неудовольствіемъ, на требуемыя субсидіи и поставку рекрутъ, сражаясь и проливая кровь подъ австрійскими знаменами на различныхъ поляхъ Европы, сны Венгріи не любили, однакожь, заводить рѣчь о болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ между венгерскою націей и вѣнскимъ правительствомъ. И когда венгерскій сеймъ 1811 года совершенно разошелся послѣ продолжительныхъ бурныхъ преній, не принявъ знаменитаго финансоваго патента, а правительство, не смотря на всѣ протесты, ввело этотъ патентъ въ Венгрію, какъ временную мѣру; когда наслѣдственныя земли западной половины Австрійской имперіи одобрили, такой поступокъ своего правительства и даже прямо назвали правительство Венгріи помѣхой для развитія и усиленія Австріи; когда, наконецъ, въ Лейпцигѣ появилось сочиненіе, внушенное, какъ утверждали, австрійскимъ правительствомъ: „Опытъ изложенія венгерской конституціи“ (*Versuch einer Darstellung der hungarischen Constitution, von Non quis sed quid*), — тогда смущеніе умовъ въ Венгріи стало всеобщимъ и глубокимъ. Недовольные раздѣлились однако на два лагера. Одни были раздражены тѣмъ, что напшили люди, сомнѣвающіеся въ достоинствахъ венгерской конституціи и говорящіе о переменѣхъ въ ней; другіе же ожесточены были неконституціоннымъ характеромъ самаго правленія. Для послѣднихъ было ясно, что венгерское управленіе нуждается въ реформѣ, согласно съ духомъ времени; но при этомъ они желали, чтобы такая реформа произошла путемъ, согласнымъ съ узаконеніями. Это были именно тѣ люди, которые сумѣли исполнѣ оцѣнить преобразовательныя стремленія Іосифа II, направленные къ общему благу людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сожалѣли о томъ, что этотъ замѣчательный человекъ не дер-

жался согласныхъ съ конституціей формъ при выполнении своихъ возвышенныхъ идей. Преемниковъ Іосифа эти люди осуждали еще больше за ихъ равнодушіе къ благосостоянію страны и за открытое сопротивление всякимъ реформамъ въ либеральномъ смыслѣ. Но изъ всѣхъ этихъ элементовъ не могло сложиться прочной оппозиціонной партіи, которая бы смѣло требовала реформъ.

Къ числу людей, настроенныхъ конституціонно, но принимавшихъ въ расчетъ и обстоятельства времени, принадлежалъ и секретарь намѣстничества Петръ Салай, человекъ съ просвѣщенными взглядами, не лишенный патриотизма, который не мѣшалъ ему въ точномъ исполненіи обязанностей по службѣ. Онъ принадлежалъ къ дворянскому сословію, хотя дворянская грамота фамиліи Салаевъ была обнародована въ Пештскомъ комитатѣ только въ 1816 году. Политическое образованіе свое Петръ Салай почерпнулъ изъ той довольно обширной литературы мелкихъ брошюръ, касающихся политическихъ вопросовъ, которая возникла во времена Іосифа II, возвратившаго падавшей Венгріи ея законныя права. Сдерживаемые до тѣхъ поръ умы пришли въ движеніе, и когда Леопольдъ II созвалъ сеймъ 1790 года, то внутреннее пробужденіе Венгерскаго народа выразилось во множествѣ газетъ и политическихъ брошюръ. „Эта форма политическихъ извѣстій, какъ справедливо замѣчаетъ Шпрингеръ, не вытекала изъ древнихъ венгерскихъ привычекъ, но существовала въ кружкахъ просвѣтителей временъ Іосифа II и была заимствована у нихъ; эта литература ждетъ еще своего собирателя и толкователя“. Петръ Салай принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ собирателей этой литературы: въ его библиотекѣ можно было найти всѣ сколько-нибудь значительныя брошюры конца прошлаго столѣтія. Онѣ могли замѣнять ему политическія мадьярскія газеты, выходившія тогда въ Вѣнѣ: *Magyar Kurir*, *Magyar Hirmondó*, *Magyar Mercur*, и почти никогда не занимавшіяся внутренними дѣлами. Слѣдя за политической литературой своего времени, секретарь намѣстничества велъ также знакомство съ писателями, издававшимися впередъ въ тогдашней мадьярской литературѣ, въ особенности съ ученымъ профессоромъ Степаномъ Горватомъ. Петръ Салай и дома у себя оставался настоящимъ Мадьяромъ: хотя онъ зналъ нѣсколько языковъ, но его родной языкъ — а онъ былъ родомъ изъ Гранскаго или Остригомскаго комитата — былъ господствующимъ въ его домѣ, между тѣмъ какъ городъ Буда или Офенъ, въ которомъ онъ жилъ, уже тогда казался нѣмецкимъ городомъ, благодаря своему чиновничьему населенію. Петръ Салай и самъ

былъ не прочь отъ ученыхъ занятій и опытовъ въ публицистикѣ. Такъ, между рукописями Пештскаго національнаго музея хранится до сихъ поръ его сочиненіе на мадьярскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Желанія истиннаго Венгерца“, которое можетъ служить доказательствомъ горячаго патриотизма его автора. Кромѣ того имъ составлены два латинскіе сборника: „Urbarium regni Hungariae“, оказавшій большую услугу урбаріальной комиссіи, назначенной сеймомъ 1825 года, и „Memoria Palatinorum et Locumtenentium regionum regni Hungariae fide diplomatica illustrata, studio et opera Petri Szalay concinnata“.

18-го апрѣля 1813 года, Терезія Салай, урожденная Рудольфъ, обрадовала секретаря намѣстничества рожденіемъ четвертаго сына, который получилъ имя Владислава. Все, что могли сдѣлать благоразуміе отца и любовь матери для воспитанія сына, было сдѣлано для маленькаго Владислава. Отецъ рано посадилъ его за книгу, и не смотря на свое слабое здоровье, еще въ семилѣтнемъ возрастѣ Владиславъ Салай былъ приготовленъ въ гимназію, которую онъ посѣщалъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ въ Офенѣ и потомъ два года въ Стольномъ Бѣлеградѣ (Stuhlweissenburg, Székes Fejésvár); въ послѣднюю Владиславъ Салай былъ переведенъ отцомъ по совѣту Горвата, который самъ былъ жителемъ Бѣлеграда; притомъ въ гимназій этого города маленькій Салай могъ лучше ознакомиться съ мадьярскимъ языкомъ, нежели въ офенской гимназій Офена. Изъ воспоминаній о гимназическомъ ученіи Салай въ послѣдствіи разказывалъ своимъ друзьямъ о томъ, какъ онъ однажды долженъ былъ говорить рѣчь при концѣ учебнаго года, при чемъ ему пришлось взойти на кафедру, на которую прежде онъ смотрѣлъ съ какимъ-то священнымъ трепетомъ. Эта рѣчь была направлена противъ поѣздокъ учениковъ домой, во время вакацій: онъ обвинялся въ томъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль успѣвали вытѣснить изъ головы учениковъ все заботливо переданное учителями въ продолженіе года. Рѣчь эта написана была, разумѣется, однимъ изъ наставниковъ, притомъ высокопарнымъ латинскимъ языкомъ, и маленькій ораторъ, произносившій ее, не понималъ даже вполне названія: *Itinerationis lenocinium*, и движимый любопытствомъ отыскалъ въ словарѣ ихъ значеніе. Надо впрочемъ замѣтить, что во второй гимназій, въ Стольномъ Бѣлеградѣ, Владиславъ Салай имѣлъ своими наставниками людей, отличавшихся національнымъ чувствомъ и еще довольно рѣдкою въ то время терпимостію въ религіозныхъ вопросахъ.

Въ 1825 году Владислава Салая постигъ первый чувствительный

ударъ: смерть отняла у него отца, который былъ его вѣрнѣйшимъ другомъ и совѣтникомъ. Вскорѣ послѣ того Салай кончилъ свое гимназическое ученіе и возвратился въ Пештъ. Онъ былъ въ мрачномъ расположеніи духа: серьезное настроеніе, которымъ онъ отличался въ продолженіе всей своей жизни, уже начинало сказываться въ 14-лѣтнемъ юношѣ; отъ чего тысячи его соотечественниковъ приходили въ восторгъ; на то едва вышедшій изъ школы юноша смотрѣлъ хотя не прозаическимъ, но трезвымъ взглядомъ. Въ то время въ Пештскомъ нѣмецкомъ театрѣ въ первый разъ давалось представленіе на мадьярскомъ языкѣ: патриоты блаженствовали, какъ будто отечество было освобождено отъ новаго нашествія Турокъ. Послѣ спектакля это важное событіе было отпраздновано шумнымъ пиромъ въ гостиницѣ „Семи курфирстовъ“. Молодой Салай съ глубокимъ огорченіемъ смотрѣлъ на такія развлеченія націи, одушевлявшейся подобными мелочами. На слѣдующій день происходило погребеніе мадьярскаго виртуоза—цыгана Бигари: это также составляло важное событіе! Въ послѣдствіи Салай писалъ: „Тогда у меня было очень легко на сердцѣ, потому что я видѣлъ, что наше общество находилось въ первобытномъ мірѣ идилліи; но я зналъ также, что должна погибнуть та страна, которая могла оставаться при дѣтскихъ грѣзахъ въ сосѣдствѣ со столькими зрѣлыми народами, и я понялъ болѣзненное негодованіе того Англичанина, которому жители „Дотисъ“ разказывали однажды полныя чудесъ сказки о зеленоглазыхъ рыбакахъ съ золотыми перьями, водящихся въ глубинѣ ихъ водъ, а между тѣмъ не извлекли выгодъ изъ этихъ водныхъ богатствъ своей страны“. Такимъ направленіемъ проникнуть былъ Салай, оканчивая такъ-называемый философскій курсъ, который въ то время былъ равенъ нынѣшнимъ послѣднимъ двумъ классамъ гимназій. Наставники его были сильны въ системѣ преподаванія, усвоенной въ то время, но самая система была нехороша, и способные молодые люди, какъ Салай, обязаны были своимъ развитіемъ своимъ личнымъ занятіямъ.

Кромѣ того, Салай не оставлялъ своими совѣтами лучшій между тогдашними историками и филологами въ Венгріи, Стефанъ Горватъ, Этого ученаго многие изъ современниковъ считали чудачкомъ, а между тѣмъ въ своихъ сношеніяхъ съ молодыми людьми, у которыхъ замѣчалась охота и любовь къ наукѣ, онъ былъ ласковъ и дружелюбенъ, какъ никто другой. Но когда рѣшались затрогивать не совсемъ правильные результаты его научныхъ изслѣдованій, тогда его ожесточенію не было предѣловъ; когда онъ видѣлъ, что люди, едва прибли-

жившіеся къ преддверію науки, не хотѣли излагать основательно положеній, которыя онъ представлялъ какъ плодъ многолѣтнихъ изысканій, но старались выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ, при помощи дешевыхъ остротъ, тогда имъ овладѣвала неудержимая ярость. Всѣ знали эту слабость его и нарочно шутили надъ этимъ подвижнымъ человѣкомъ, и чѣмъ болѣе надъ нимъ смѣялись, тѣмъ раздражительнѣе и несговорчивѣе становился онъ. Какъ ни старался палатинъ Венгріи, эрцгерцогъ Іосифъ, убѣдить Горвата, чтобъ онъ соединился для общихъ научныхъ изслѣдованій съ совѣтникомъ Крибелемъ, труды котораго дѣйствовали возбуждительно на Горвата, онъ никакъ не могъ достигъ того. Въ послѣдствіи, когда основана была Венгерская академія наукъ, Горватъ не только отказался отъ чести принадлежать къ этому обществу, въ которомъ, впрочемъ, засѣдали многіе изъ самыхъ горячихъ его противниковъ, но даже весьма рѣзко отказалъ академіи въ просьбѣ передать въ ея бібліотеку принадлежавшую ему драгоценную рукопись венгерскаго филолога Ревай. „Я не нуждаюсь въ академіи, обыкновенно говаривалъ Горватъ, я одинъ работаю болѣе, чѣмъ вся академія“. И дѣйствительно, онъ работалъ богатырски, онъ засиживался по цѣлымъ ночамъ надъ изслѣдованіями о происхожденіи, древнѣйшей исторіи и языкѣ Мадырь; онъ обогатилъ венгерскую литературу множествомъ филологическихъ и историческихъ сочиненій, нерѣдко весьма страннаго содержанія, каково, напримѣръ, его сочиненіе: „О Германіи со временъ Моисея до Тацита“. Притомъ Горватъ былъ весьма ревностнымъ собирателемъ рукописей и книгъ, и эта страсть, которой предавался также и Петръ Салай, послужила связью между ними, которая перешла по наслѣдству и къ сыну Салая. Еще въ 1825 году Пештскій сеймъ назначилъ ежегодное вспомошествованіе въ 2.000 гульденовъ для бібліотеки Горвата, и почти такъ же велики были постоянныя приношенія съ тою же цѣлію отъ частныхъ людей. Горватъ такъ добросовѣстно распорядился этими деньгами, что послѣ своей смерти оставилъ бібліотеку, въ которой было не менѣе 30.000 печатныхъ книгъ и множество цѣнныхъ рукописей. Такого-то человѣкъ научилъ молодого Салая основательному знанію древней исторіи въ то время, когда другіе молодые люди, не заботясь о прошедшемъ и будущемъ, жили только радостями настоящаго. Горватъ также служилъ для Салая блестящимъ образцомъ твердости и чистоты характера, патріотизма и гуманности. Въ послѣдствіи баронъ Этвешъ, товарищъ Салая по ученію, писалъ: „Ни одинъ изъ нашихъ наставниковъ не училъ столь многихъ изъ насъ искренней любви къ